Татарская женщина и ее наследственные права в конце XVIII – начале XIX в.

Молодая татарка.
Копия с гравюры А. Е. Мартынова.
Конец XVIII в. Татары. – М., 2001. – С. 269.

Казанская татарка.
Копия с картины А. Е. Мартынова. XVIII в.
Татары. – М. 2001. – С. 269.

(По архивным материалам фонда Казанской татарской ратуши)

В последние годы в исторической науке наблюдается всплеск интереса к гендерной тематике. Различные проблемы, связанные с положением женщины в татарском обществе, нашли отражение в работах А. Х. Махмутовой, Т. А. Биктемировой, Л. И. Тухватуллиной, Г. Р. Балтановой[1]. В основном в них рассматривается ситуация конца XIX — начала XX в., когда татарская женщина, в лице наиболее образованных ее представительниц, становится активным участником общественных процессов. В то же время более ранняя эпоха практически оказалась вне поля зрения исследователей. В этом плане особый интерес представляет период конца XVIII — первой половины XIX в., который отмечен значительной либерализацией политики государства в отношении мусульман, следствием которой стали тенденции к большей открытости татарского общества, к налаживанию конструктивных отношений с органами государственной власти.

Прояснить положение женщины в татарском обществе в этот период во многом помогают архивные документы Казанской татарской ратуши (Национальный архив Республики Татарстан, ф. 22).

Татарская ратуша занимала особое место в структуре государственных учреждений Казанской губернии как орган самоуправления купеческого и мещанского сословий татарского населения г. Казани. Ее создание стало результатом проведения в Российской империи в 1775 г. реформы местного управления и суда. Ратуша возникла в конце 1781 г. и просуществовала до 1855 г.[2] Значение Казанской татарской ратуши в общественно-политической и социально-экономической жизни татар было высоко. Этот орган «служил для более тесного взаимопонимания официальных властей с татарской торговой верхушкой»[3], и его деятельность «во многом определила относительную независимость населения Старой и Новой татарских слобод, их саморазвитие при сохранении национальных особенностей в рамках русского народа»[4].

Несмотря на контроль со стороны русской администрации и ограничения в правах ведения некоторых дел, в компетенцию ратуши входил все же достаточно широкий круг вопросов. Здесь оформлялась запись в купечество и мещанство, выдавались паспорта для поездок по торговым делам, взыскивались задолженности с купцов по опротестованным векселям, разбирались дела обанкротившихся, происходил раздел имущества умерших между наследниками, чинился суд между слободскими татарами, собирались налоги, составлялись списки рекрутов, разбирались личные прошения, рассматривались решения вышестоящих органов[5]. При ней были учреждены сиротский и словесный суды. Первый занимался вопросами опекунства, а второй — разбором долговых дел и делами обанкротившихся[6]. В целом материалы Татарской ратуши дают представление об урегулировании общественной жизни, о роли и соотношении официальных и традиционных элементов управления в татарских слободах[7].

Архив Татарской ратуши содержит большое количество дел, где фигурируют женщины. Это помогает выявить круг насущных проблем татарской женщины и определить ее статус в обществе.

Отдельную группу составляют дела о наследовании. Вопросы наследования и раздела имущества относятся к одному из тщательно разработанных разделов мусульманского права. Немецкий ученый исламовед А. фон Кремер отмечал, что «в наследственном праве и супружеском праве мы видим самостоятельную деятельность арабского народного духа»[8]. Это в первую очередь отразилось на получении женщиной права участвовать в разделе имущества, чего она была лишена в доисламскую эпоху. Анализ документов, касающихся этой области семейно-брачных отношений татар, помогает выявить особенности регулирования ее шариатом и российским законодательством, «под юрисдикцией которого прежде всего находилось татарское общество»[9]. Последнее вплоть до конца XVIII столетия молчало о такой специфической области семейно-родственных отношений у татар, как раздел имущества, потому что эти вопросы решало духовенство на основе шариата[10]. Однако частое недоволь-

ство татар результатами обусловило обращение к правительству с просьбой упорядочения этой области отношений. Следствием стало появление на рубеже XVIII-XIX вв. указов, регулировавших вопросы наследования среди мусульман Российской империи.

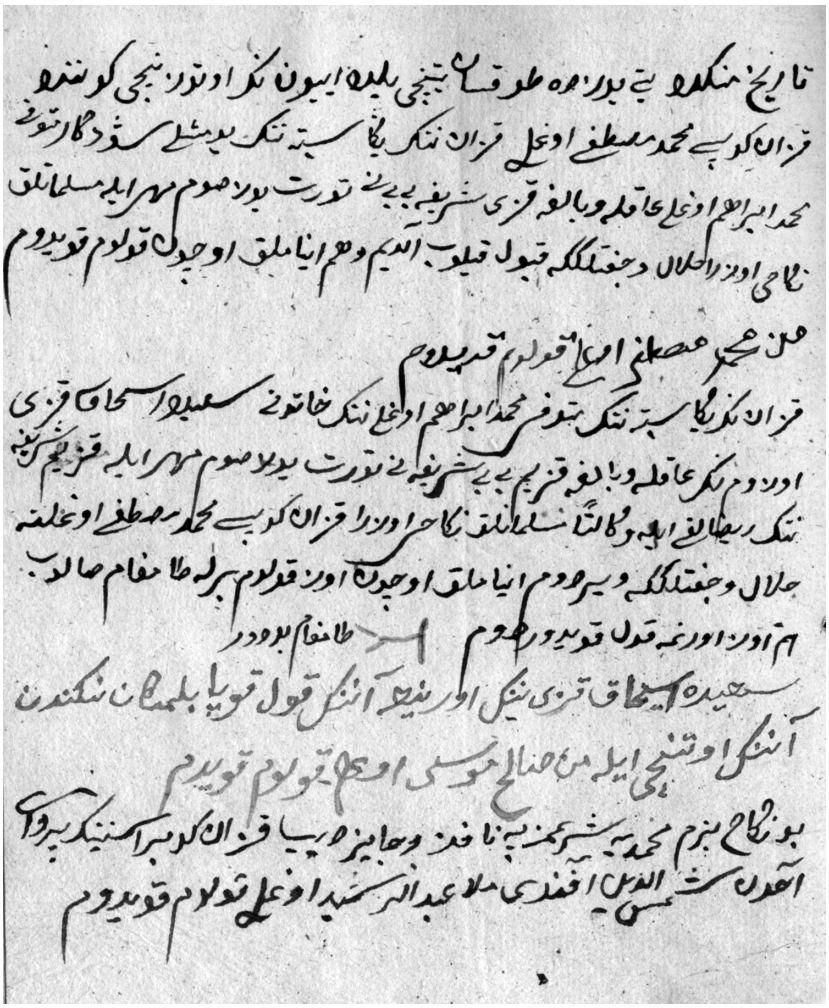
Подобного рода материалы сохранились и в фондах Татарской ратуши г. Казани. Например, в деле «По прошению Новотатарской слободы торговаго татарина Мухамет Ибраева жены вдовы Сагиды Исаевой о определении к оставшим после мужа ея, Ибраева, малолетним детям ево имениям апекуна и о выделе ей и дочерям ее ис того имения указной части», рассмотрение которого длилось с 1796 по 1813 г. Из материалов дела следует, что в 1796 г. в Казанский городской магистрат поступило прошение от вдовы служилого татарина Новой слободы Ибраева Сагиды с просьбой о назначении опекунства над их малолетними детьми и имуществом покойного мужа, а также о выделе части имущества ей и двум совершеннолетним дочерям[11]. Опекуном двух младших дочерей и имущества вдова просила назначить служилого татарина Мухаммета Давыдова. Дело было препровождено в сиротский суд, который утвердил опекуна и приказал провести опись всего недвижимого и движимого имущества умершего. Городовой магистрат следил за ходом разбирательства, сиротский суд постоянно докладывал о проделанной работе.

Опись имущества показала, что умерший Ибраев был достаточно состоятельным человеком. Так, за ним числились «дом деревянной, состоящей в той Новой слободе, три кожевенные завода, две в подошевном ряду лавки во оных заводах и в состоящих в том доме анбаров и лавках разной кожевенной товаров…»[12].

Раздел имущества совершался исключительно на основе российского законодательства. К делу были приобщены выдержки из следующих указов: 1. Статья 1 главы 17 Соборного уложения; 2. Именной указ от 15 апреля 1716 г.; 3. Резолюция Вотчинной коллегии от 28 мая 1725 г.; 4. Именной указ от 17 марта 1731 г.; 5. Сенатский указ от 20 апреля 1762 г.[13] Ссылаясь на них, сиротский суд вынес решение выделить вдове Сагиде Исаевой из недвижимого имущества седьмую, а из движимого четвертую части, четыре дочери умершего наследовали равные части[14]. По шариату же жене при отсутствии наследников полагалась одна четвертая часть имущества, а в противном случае она получала одну восьмую часть[15]. Дочери же наследовали две трети всего имущества. Подобное решение суда позволяет сделать вывод о причинах, побуждавших татарок обращаться по имущественным делам в государственные судебные инстанции. Российское законодательство предусматривало для них более выгодные, чем нормы шариата, условия получения своей доли наследства. Далее в деле представлены предъявляемые опекуном по требованию сиротского суда ежегодные счета о расходах и доходах имения, рапорты о том, как воспитываются дочери: «Обучаются татарской грамоте и искусству, полу женскому свойственному…»[16].

В деле много документов, написанных от имен женщин и подписанных ими же в качестве истцов. Одним из них является прошение от старшей дочери умершего Шарыпзямал, которая просила выдать ей в личное владение «указныя части». Это желание обосновывалось двумя причинами. Во-первых, совершеннолетием, так как по указу от 24 декабря 1785 г. «напечатано малолетнему по прошествии от роду семнадцати лет вступать в совершеннолетство и во управление своего имения»[17]. Во-вторых, девушка собиралась замуж. Проверить последний факт было поручено выборному, который представил в сиротский суд письменное уведомление о предстоящем бракосочетании за подписями жениха и невесты[18].

Чтобы получить положенную часть наследства, вторая дочь Бадигулзямал представила в сиротский суд справку о сговоре на бракосочетание. В справке сообщается, что перед специально назначенным выборным молодые «показали, Бадигульзамала, что оная за Давыдова Якупа по доброволному согласию в супружество зговорена и за него в законные жену выходит, Якупом, показанную Бадигулзамалу в замужество так же по согласию берет… без от-

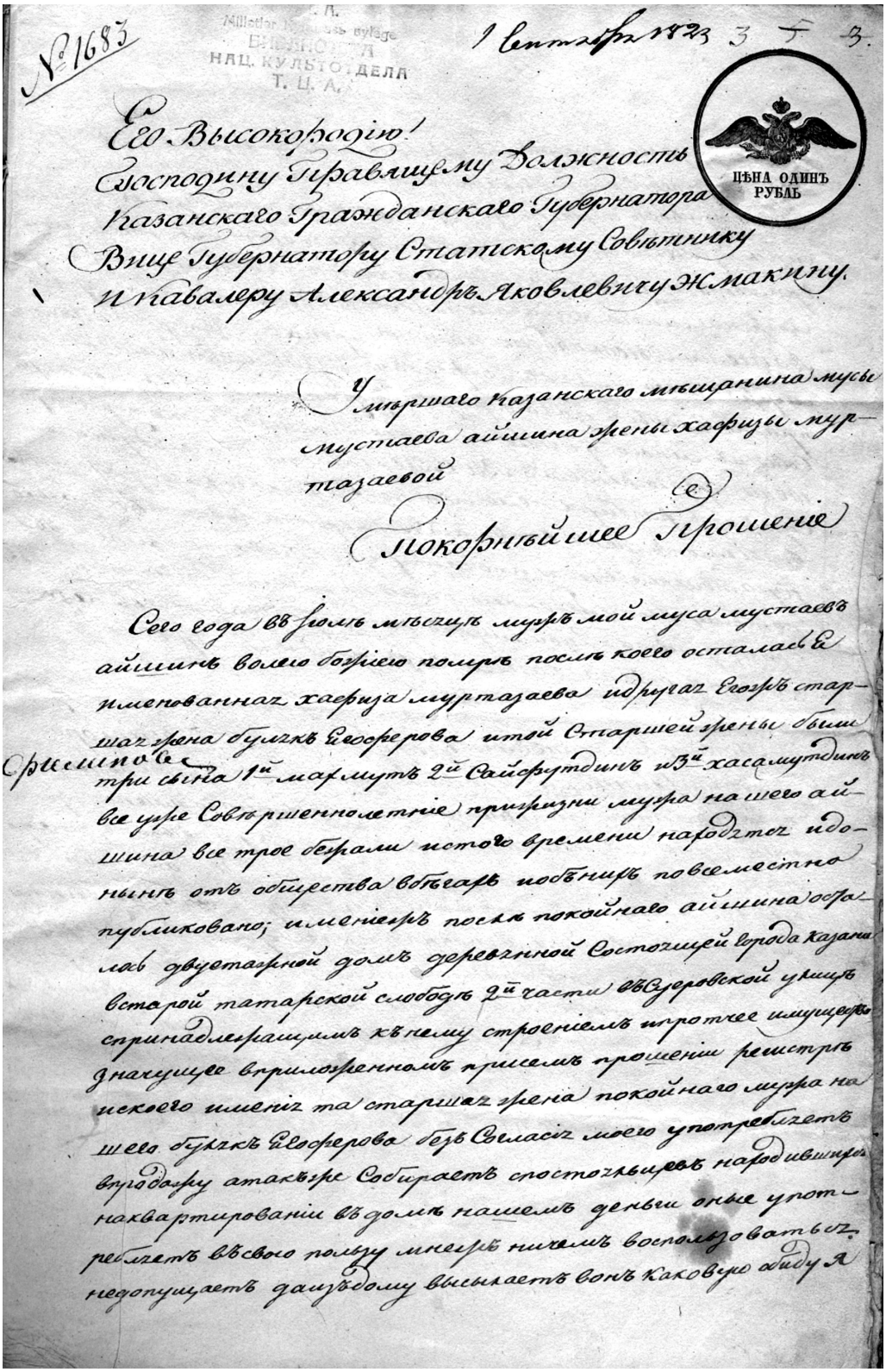
«Бракосочетанное условие» Шарыпзямал. НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 874, л. 51 об.

рицателна…»[19]. Документ был заверен подписями муллы и свидетелей. Это «бракосочетанное условие» на старотатарском письме приобщено к делу. Более весомым аргументом в разрешении вопроса стало последнее обстоятельство, т. е. предстоящее замужество Шарыпзямал, потому что по нормам шариата девушка до замужества находилась под опекой родителей или назначенного опекуна.

Дело содержит также доверенность четвертой дочери Магитап, данную в 1813 г. мужу, чтобы он занялся делами по разделу отцовского наследства и получил принадлежащую ей долю, так как «самой по женскому состоянию явится в тот суд неприлично…»[20]. Под доверенностью стоит подпись Магитап по-татарски, документ заверен свидетелем. Это последний документ дела. С замужеством последней дочери и получением полагаемой ей части отцовского наследства обязанности сиротского суда были выполнены, и дело закрыли.

Интересно еще одно дело, где разбирается раздел имущества умершего мещанина Мусы Айшина. Его особенностью является то, что у Айшина было две жены.

Соответствующее прошение поступило в 1823 г. на имя казанского гражданского губернатора А. Я. Жмакина, который отослал его на рассмотрение ратуши. Выяснилось, что умерший мещанин М. Айшин был подведомствен городскому магистрату, поэтому дело переправили в этот орган. Там оно рас-

№1683

1 Сентября 1823 З Ѣ З.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ

Его Высокородію!
Господину Правящему Должность
Казанскаго Гражданскаго Губернатора
Вице Губернатору Статскому Совѣтнику
и Кавалеру Александръ Яковлевичу Жмакину.

Умершаго Казанскаго мѣщанина Мусы
Мустаева Аймина жены Хафизы Мур-
тазаевой

Покорнѣйшее Прошеніе

Сего года въ Іюль мѣсяцѣ мужъ мой Муса Мустаевъ
Аймина волею Божіею померъ послѣ коего осталась Я
именованная Хафиза Муртазаева отъ роду Моихъ старѣ-
шаго сына Булака Сафарова итой старшей жены Бики
три сына 1ой Мамлютъ 2ой Сайфутдинъ и 3ій Хасамутдинъ
Сремнов
въ уре Совершеннолѣтніе прижили мужа нашего Ай-
шина все трое безъ Вѣсти изъ Моего времени народятся ис-
чезнутъ отъ общества вѣчно подвинутъ повсеместно
публиковано; имѣемъ послѣ покойнаго Аймина остра-
лась двухъэтажной домъ деревянной Состоящей города Казани
въ старой татарской слободѣ 2ой части въ Суконной улицѣ
при наслѣдующимъ къ нему строеніемъ изъ Которое имущество
Я нижеписанная въ приложенномъ при семъ прошеніи реестрѣ
Моего имѣю та старшая жена покойнаго мужа на-
шего Булака Сафарова безъ Вѣсти моего употребляетъ
въ Свою пользу атакуетъ Собираетъ спостороннихъ людей
на квартированіи въ домѣ нашемъ деньги оные упот-
ребляетъ въ свою пользу мнѣ Же никакъ воспользоватьсѣ
недопущаетъ дабы Законному выдалась Вѣсть Какова Я буду

Первая страница прошения Хафизы Муртазаевой казанскому губернатору от 1 сентября 1823 г.
НА РТ, ф. 22, оп. 1, д. 79, л. 3.

сматривалось в течение нескольких лет и окончательно разрешилось в 1829 г.

Истцом в деле выступила первая жена умершего — бездетная Хафиза Муртазаева. Ответчиком — вторая жена Буляк Ягоферова, имевшая трех сыновей и одну дочь. Истица заявила, что после смерти мужа вторая жена продала часть имущества и пользовалась доходами от дома одна, что дочь Ягоферовой не имеет права на часть наследства, так как «при выдаче в замужество награждена достаточно», и что она, т. е. сама истица, не дополучила калымных денег[21]. В подтверждение двух последних аргументов Х. Муртазаева не представила никаких доказательств. Б. Ягоферова же объяснила продажу некоторых вещей необходимостью средств на уплату долгов умершего мужа, на его погребение, на различные подати и на домашние расходы. Городовой магистрат вынес решение на основании указов от 17 марта 1731 г. и 20 декабря 1804 г., а также рескрипта от 17 сентября 1786 г. о таврических татарах. Муртазаевой была выделена половина из восьмой части всего имущества умершего с правом при несогласии с решением просить разбирательства у духовных лиц[22]. Остальное имущество перешло во владение единственной дочери, так как о местонахождении ее братьев не было известно, а мать к тому времени умерла.

Таким образом, материалы ратуши позволяют говорить о том, что татарская женщина конца XVIII — начала XIX в. являлась практически полноправным участником судебного процесса, выступая как в роли истца, так и в роли ответчика. Ее права были защищены как шариатом, так и российским законодательством, и в зависимости от обстоятельств дела она могла выбирать наиболее приемлемый для себя вариант судопроизводства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Махмутова А. Х. Борьба за женское образование у татар (90-е гг. XIX в. — 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. – Казань, 1970. – 276 с.; Она же. Лишь тебе, народ, служенье!: История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби. – Казань, 2003. – 453 с.; Она же. Пора и нам зажечь зарю свободы!: Джадидизм и женское движение. – Казань, 2006. – 254 с.; Тухватуллина Л. И. Ислам и женщина // Научный Татарстан. – 2001. – № 2. – С. 71-75; Она же. Проблема человека в трудах татарских богословов: Конец XIX — начало XX веков. – Казань, 2003. – 207 с.; Биктемирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2003. – 183 с.; Балтанова Г. Р. Мусульманка. – М., 2005. – 376 с.
2. Подробнее об этом см.: Хайрутдинов Р. Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII — первая треть XIX в.). – Казань, 2002. – С. 104-117.
3. Гилязов И. А. Татарские слободы города Казани во второй половине XVI — середине XIX в. // Татарские слободы Казани: Очерки истории. – Казань, 2002. – С. 68.
4. Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. – Казань, 1991. – С. 63.
5. Гилязов И. А. Указ. соч. – С. 69.
6. Хайрутдинов Р. Р. Указ. соч. – С. 114.
7. Валиуллин И. Р. Общественно-политическая жизнь татарского общества во второй половине XVIII века: Дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2004. – С. 22.
8. Кремер А. Мусульманское право. – Ташкент, 1888. – С. 61.
9. Миннуллин З. С. Источниковедческая характеристика татарских частных актов XVII — 1 половины XIX в.: Дис. … канд. ист. наук. – Казань, 1988. – С. 141.
10. Там же. – С. 141.
11. НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 874, л. 1-1 об.
12. Там же, л. 30 об.
13. Там же, л. 24-25 об.
14. Там же, л. 31.
15. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. – СПб., 1850. – С. 408.
16. НА РТ, ф. 22, оп. 2, д. 874, л. 57.
17. Там же, л. 48.
18. Там же, л. 51 об.
19. Там же, л. 76.
20. Там же, л. 139-139 об.
21. Там же, оп. 1, д. 79, л. 33.
22. Там же, л. 34.

Алсу Хабибуллина,
аспирантка Института Татарской энциклопедии АН РТ